Лето пришло и ушло. Дневные Игры маячили на горизонте завтрашнего рассвета. Это была привилегия тех, кто участвовал в состязаниях, чтобы провести день перед играми, отдыхая и наслаждаясь ободрением и лестью своих сверстников. Завтра будут созданы легенды, и новый чемпион наденет лавровый венок.

Я решил принять ванну.

В гимнастических залах Розовой Зари были бани, как и во всех надлежащих заведениях такого типа, но так же, как столпы культа наслаждались частными гимнастическими залами высочайшего качества, они также наслаждались непревзойдёнными банями. Бесчисленные бассейны, от обжигающе горячих до леденяще холодных, были высечены в самой горе. Тёплая сторона величественного здания в коринфском стиле постоянно была окутана паром, испускаемым из природных горячих источников горы.

Они были пустыми, за исключением меня, моего раба и младшего кузена. Никто, кроме Этосов, не посмеет пройти через его священные столбы.

Я напевал, упираясь локтями в прохладный камень на краю горячего источника, пока моё тело расслаблялось. Моя голова была откинута назад, на глаза была накинута тёплая ткань. При всех её проблемах, жизнь Молодого Аристократа приносила неоспоримые преимущества.

— Скажи мне, раб, — пробормотал я. — В Риме бани так же хороши как эти?

— Бани на форуме были лучше, — сказал он где-то справа. Мирон, которому вскоре после входа стало скучно и он начал плескаться, замер с интересом. — То, чего нам не хватало в природных источниках, мы компенсировали изобретательностью. В лучших из них были помещения для парения, а также ванны, обогреваемые гипокаустами, мозаичные полы и прекрасные мраморные стены. Они были открыты для всех, у кого было два динария, а по праздникам они были бесплатными.

— Звучит грязно, — сказал я. — Это место для очищения. Почему я должен делить воду из ванны с каждым прохожим, у которого есть две серебряные монеты?

— Ты бы понял, если бы провёл больше времени в своём собственном городе. — Он вздохнул. — В каждом живом существе есть пневма, и точно так же в них есть добродетель. Ванны – это один из тысячи способов открыть для себя новые аспекты жизни. Даже низший из людей может быть мудрым.

— Прямо как ты, — заявил Мирон.

— Молодой кириос слишком добр. — Мирон скривился, услышав дразнящее прозвище. — Единственное, что я знаю, это то, что я ничего не знаю.

Я поднял край ткани, закрывающей глаза. Вот оно. Этот далёкий, тоскливый взгляд.

— Расскажи мне больше.

Он моргнул: «Больше чего?»

— Ты сказал, что баня – это один из тысячи способов, — сказал я. — Может, ты и не мудр, но ты мирской человек, не так ли? Расскажи мне о своей жизни. Я хочу это услышать. — Он выглядел удивлённым. Хо, как обидно. Разумеется я был не настолько плох.

— Я тоже! — вмешался Мирон, оттолкнувшись от дальнего края источника и плывя к нам. — Какие были легионы? Как ты стал таким сильным? Сколько мест ты покорил…

— По одному, кузен, — сказал я, плеснув ему в лицо струёй воды. Он вскрикнул и плеснул мне в ответ, только чтобы Сол окунул его, когда он не смотрел.

— Легионы, — задумчиво сказал Сол, пока Мирон кашлял и отплёвывался. — Я был молод, когда моего отца призвали, тогда всё казалось большим, чем жизнь. К тому моменту я был на форуме всего несколько раз и всегда под присмотром. До этого дня я жил укрытой жизнью на нашей вилле.

— Твой отец имел некоторое влияние, — сказал я. Я знал это, но произнесение слов придало им новый вес. — Легионеры не приводят своих сыновей на войну.

Сол посмотрел на меня. Он знал. Он знал с самого начала, как и я. Наши истоки сливались в рифму.

— Он был капитаном, — наконец сказал он. — Пехотинец с того момента, как научился держать меч. Когда я был молод, он рассказывал мне истории о своём пребывании в рядах. Первая центурия, в которую он был назначен, первые люди, с которыми он стоял плечом к плечу в бою. — Он слабо улыбнулся. — Первый центурион, отдавший ему свою голову. Он говорил, что это были самые жестокие годы его жизни, но и самые лучшие.

— И потом, он женился ради денег, — размышлял я.

— Да, — признал Сол. Он провёл рукой по волосам, нахмурившись. — Это было похоже на большинство подобных браков. Политически мотивированный, без любви. Мой отец приобрёл достаточно известности на службе, чтобы гарантировать женитьбу, но семья и друзья моей матери никогда не позволяли им забыть о его корнях. Это сделало её сердце горьким.

— Но это позволило ему подняться по служебной лестнице. И это то, что имело значение.

— Где он стоял? — нетерпеливо спросил Мирон. Частый вопрос, когда речь шла о культиваторах. Где он стоял, среди неба и земли?

Сол хмыкнул: «По вашим меркам, он был на вершине Софического Царства».

Что?

— Ох, — сказал Мирон, не сумев полностью скрыть своего разочарования. Ткань, закрывающая мои глаза, ударилась о поверхность бассейна. Я понял, что полностью сел.

— Софическое Царство, — недоверчиво повторил я. — Твой отец?

Это не имело никакого смысла. Сын был построен на основании отца. Быть на его уровне, в его возрасте, с таким никудышным отцом? Это противоречило здравому смыслу.

— Мой отец был хорошим человеком, — твёрдо сказал Сол. — Он прожил свою жизнь для Рима и для легионов, которые его вырастили.

— Я не сомневаюсь в характере твоего отца, — сказал я, нетерпеливо махнув рукой. — Я сомневаюсь…

— Он был человеком, которого уважали другие мужчины, — продолжал дерзкий раб, беззаботно прерывая меня. — Известный своей тактикой на войне и щедростью в победе. Люди следовали за ним без сомнений.

— Так ты учился у него? — Мирон надавил, ему, как и мне любопытно было узнать, как человек такой посредственной культивации мог произвести на свет такого сына, как Сол. Отец Мирона был несравненным Героем. Дэймон Этос был Дэймоном Этосом. Это бы только естественно, что мы преуспеем. Но Сол?

Раб и младший посвящённый молчал на секунду слишком долго.

Ах. Так вот что это было.

— Я многому научился у своего отца, — вроде бы подтвердил Сол. Я откинулся на край каменного бассейна, подперев голову одной рукой. — До самой своей смерти он всегда учил меня.

Я видел, как волнение Мирона рушится. Иногда было слишком легко забыть, насколько он молод. Всего девять лет. Слишком легко возбудимый и уязвимый к поддразниваниям, но наученный намного лучше, чем любой из его сверстников. Но всё же, ещё ребёнок. За всё это время он, вероятно, ни разу всерьёз не подумал, какие обстоятельства могли привести Сола сюда в цепях. Было детской наивностью ожидать только лучшего для тех, кто был им близок.

И Сол был кем-то близким ему. Я сомневаюсь, что он принял осознанное решение подружиться с рабом. В какой-то момент моего младшего кузена просто привлекло его присутствие. Он был далеко не единственным.

— Он также научил тебя бриться? — Я спросил. Мирон потрясённо посмотрел на меня. Он был молод. Ему ещё предстояло понять, что единственные кто хотел жалости – были те, кто её не заслуживал. Сол посмотрел на мою вызывающую ухмылку.

Он усмехнулся: «Конечно. Чистое лицо – признак цивилизованного человека».

— Чистое лицо – признак мальчишки, — насмешливо сказал я. — Или "мужчины", который не может отрастить настоящую бороду.

— Любой плебей может отрастить бороду, — усмехнулся Сол. — Что отличает людей от животных, так это наша способность очищать себя.

— Борода – это естественно.

— Как и дерьмо.

Я нахмурился.

— Полагаю, это вполне естественно, что Греки предпочитает пышную бороду, — размышлял Сол. — Они довольно хорошо скрывают слабую челюсть. — Мирон посмотрел между нами с широко раскрытыми глазами.

Серые глаза встретились с моими: «Ты искушаешь судьбы, раб. — Я медленно улыбнулся. — Мирон, принеси мне нож».

Он колебался: «Лио…»

— Быстро.

Он выпрыгнул из бассейна и через несколько секунд выскочил из бани. Я рассматривал дерзкого Римлянина напротив меня.

— Тогда, когда ты впервые встретился с Мироном, ты точно знал, что его беспокоит, потому что испытал это на себе. Ужасные амбиции, сдерживаемые заботливым отцом. — Я говорил небрежно. Юмор в его глазах тут же умер. — Ты сказал ему, что это отцовская любовь остановила руку моего дяди.

— Я подумал, что это звучит правильно, но лично у меня нет опыта в таком воспитании. С момента моего рождения путь, по которому я пойду на небеса, уже был определён. — Я поднял руку из воды ладонью вверх, и между моими пальцами вспыхнул свет.

— Справедливость.

Сол молча смотрел на меня.

— Но странное дело, — продолжал я тем же тоном, — Ты так же уверенно говорил о последствиях преждевременного выбора добродетели. Ты предупредил его, как отбитый пьяница предостерегает мальчика от первой чашки вина. И в этом у меня есть опыт. Так скажи мне, раб, потому что мои знания о твоих легионах, честно говоря, недостаточны. Кто стоит выше капитана?

Он не говорил. Его глаза были затуманены.

— Мой отец заставил меня идти по пути справедливости, — сказал я, идя через воду, пока не оказался с ним нос к носу. — Кто заставил тебя и по какому пути? Кто сделал тебя тем, кто ты сейчас?

Мирон выбрал именно этот момент, чтобы ворваться обратно, быстро шлёпая босыми ногами по каменным плитам. Он неуклюже остановился у бассейна, тяжело дыша, и в его глазах было что-то похожее на страх. В его руках был меч в ножнах. Тип, используемый членами культа для ритуальных жертвоприношений.

— Он просто дразнил тебя, Лио, — отчаянно попытался Мирон в последний раз. — Ты не обязан этого делать. — Как мило.

— Нет, кузен. Боюсь, что я обязан, — сказал я, вытаскивая клинок из ножен.

Я крутанул его в руке и протянул Солу, рукоятью вперёд. Они оба смотрели на неё в недоумении.

— У меня завтра важный день, и я ненавижу выглядеть хуже, чем божественно, — любезно сказал я. — Побрей меня.

Сол взял нож и повертел его в руке: «Ты не можешь быть серьёзным».

Моё молчание говорило за меня.

За это, конечно, будет адская плата. Молодой Аристократ Розовой Зари прибывает на свои первые Дневные Игры с бритым лицом? Это было позором, который нельзя было игнорировать. Мои дяди будут в абсолютной ярости, а Лидия вполне может даже разлюбить меня.

Старейшины, несомненно, будут страдать от отклонений в своём культивировании или, по крайней мере, в их ежедневном испражнении.

С каждым рассветом становилось всё труднее заботиться об этом. Знание того, что где-то там был другой мир, создающий таких людей как Сол, из самых примитивных материалов, пока я чахнул на этой горе? Это заставляло меня мечтать. Это не давало мне уснуть.

Я был в застое, в то время как другие процветали. Этого было достаточно, чтобы свести человека с ума. Достаточно, чтобы превратить его душу в демонов.

Моё добродетельное сердце не потерпит этого.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3114507